

Ю. В. Боровик*

**«ВЕДЯ ОЖЕСТОЧЕННУЮ БОРЬБУ
С РАЗЛИЧНЫМИ ОБРЯДАМИ»: СТАРОВЕРЫ
И АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ КАМПАНИИ 1920-х гг.
(по материалам Урала и Зауралья)**

КОМПЛЕКС МЕР, предпринимаемых властями для разрушения религиозного мировоззрения и сокращения числа его приверженцев, на протяжении первого десятилетия существования страны Советов неоднократно менялся. Цели и задачи борьбы с религией на идеологическом фронте были отчетливо сформулированы в Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г.: в ходе планомерной и сознательной «общественно-хозяйственной деятельности масс» должно последовать «полное отмирание религиозных предрассудков». Для партии большевиков, направляющей как созидательную, так и разрушительную деятельность народа, предметом первостепенной важности в данной сфере следовало считать организацию широкой научно-просветительской и антирелигиозной пропаганды¹.

Первыми шагами власти на этом поприще стало создание и совершенствование ряда специальных органов. Пропагандистская функция была возложена на VIII отдел Народного комиссариата юстиции, а с августа 1920 г. передана агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б). В марте 1921 г. к организации антирелигиозной пропаганды присоединился Главполитпросвет, в обязанности которого было включено издание соответствующей литературы. На местах основная часть антирелигиозной пропаганды проводилась силами агитационно-пропагандистских отделов городских и уездных комитетов партии: их представители выезжали по деревням с докладами, лекциями и диспутами².

В октябре 1922 г. для контроля и координации атеистического движения при ЦК была создана Антирелигиозная комиссия³, при активном содействии которой с декабря 1922 г. начала издаваться газета «Безбожник» (в феврале 1923 г. ее редактором был назначен Е. М. Ярославский, ставший к тому времени председателем Антирелигиозной комиссии)⁴. Из всей периодики подобного рода именно

* Боровик Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, ведущий инженер Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2 (1917–1922). С. 83.

² Например, о деятельности Тюменского уездного комитета РКП(б), устраивавшего в 1923 г. в ночь на Пасху «альтернативные» культурно-просветительские мероприятия со спектаклем и спором о Боге см.: ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 542. Л. 13–14 об. Ялutorовский агитпроп вечером накануне Пасхи провел в городском театре серию антирелигиозных докладов с чтением стихов, постановкой театральной пьесы и выступлениями хора, пригласив для руководства последним регента из местного собора и т. о. поставив в затруднительное положение хор церковный во время начала пасхальной службы. (ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 546. Л. 19–21 об.).

³ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 319–321.

⁴ Там же. С. 359–360.

она получила наибольшую популярность и распространение⁵. Немало этому способствовали большие тиражи издания, субсидированного государством, а также тематическое разнообразие представленных материалов, выразительно проиллюстрированных и изложенных языком, понятным простому крестьянину или рабочему. В газете публиковались заметки о новых подходах в сельском хозяйстве, о научных достижениях в естественных науках, доходчиво объяснялась эволюционная теория Дарвина и марксистский взгляд на происхождение религии. Прочитанное должно было снова и снова убеждать читателя в том, что вера в Бога – это инструмент угнетения, одурманивания и запугивания народа эксплуататорскими классами. В число «ненавистных капиталистов» были зачислены и деятели старообрядчества; в первую очередь, упоминались московские купеческие фамилии – Рябушинские, Морозовы, Кузнецовы⁶. Изредка появлялись на страницах «Безбожника» корреспонденции с Урала; в основном, это были фотографии, которые сопровождали статьи общего характера. Например, сведения о появлении староверия (и его заблуждениях) сопровождало фото старообрядческой модели, «в которой находится почитаемая на Урале икона Николы Чудотворца»⁷, в материал о проблемах знакомства населения с медицинскими и санитарно-гигиеническими знаниями был включен портрет наставника верхнетагильского общества часовенных черноризца Антония – «целителя и лекаря», чья деятельность препятствует мероприятиям советских докторов⁸.

В 1923–1925 гг. атеистическое движение, ранее проводимое силами местных партийных ячеек, перешло под эгиду газеты «Безбожник», которому правительство доверило развертывание масштабной антирелигиозной пропаганды. Читатели и корреспонденты этого издания при активном поощрении партии организовались в Общество друзей газеты «Безбожник» (позднее оно стало называться «Союз Безбожников», далее в тексте – СБ). Весной 1925 г. ЦК РКП(б) рекомендовал местным партийным органам помочь созданию региональной структуры Общества, в которую планировалось включить ячейки губернского, окружного и районного уровня. С этого же года органы Политпросвета предписали всем библиотекам и избам-читальням в обязательном порядке выписывать «Безбожник». Активное стимулирование нового движения принесло первоначальный всплеск антирелигиозной работы: в 1925 г. в Свердловском, Пермском и отчасти Ишимском округах Уральской области «безбожники» устраивали лекции и диспуты на антирелигиозные темы, давали материалы в местную прессу. Однако дальнейшего расширения движения не последовало из-за отсутствия достаточного числа квалифицированных лекторов, агитаторов и организаторов, денежных средств и поддержки со стороны местных комитетов РКП(б), занятых решением множест-

⁵ Одновременно с нею Московским комитетом РКП(б) издавался журнал «Безбожник»; просветительское общество «Атеист» издавало журнал «Атеист». С 1926 г. выходил журнал «Антирелигиозник».

⁶ Путинцев Ф. Факты о старообрядцах // Безбожник. 1926. № 3. С. 5.

⁷ Там же. 1926. № 19–20. С. 14.

⁸ Там же. С. 19. Человек на снимке не назван по имени, но сравнение этого изображения с фотографиями, на которых присутствует о. Антоний, позволяют с большой долей вероятности полагать, что в «Безбожник» попал именно он. К 1925 г. существовал ряд его фото, сделанных по инициативе самих старообрядцев в Невьянске и на Веселых горах (часть из них опубликована, см.: Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 101; Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы. К 300-летию города. Екатеринбург, 2001. С. 134).

ва других, казавшихся более насущными проблем, ячейки СБ на Урале (как впрочем и по всей стране) к 1927–1928 гг. пришли в упадок⁹. В докладных записках ОГПУ, областного и окружных комитетов ВКП(б) сообщалось, что ячейки «безбожников» в большинстве мест развалились и числятся лишь на бумаге, в то время как верующие изучают антирелигиозную литературу и сами просят диспутов, независимо от советов организуют кооперативы, особенно активно ведут себя старообрядцы: в Ильинском районе Пермского округа бегуны открыто устраивают перед Пасхой собрания, на которые активно заывают молодежь, в самом с. Ильинском существует старообрядческий монастырь во главе с м. Звениславой, а в Перми руководитель странников Афанасий Иванов на протяжении ряда лет для своих приверженцев перепечатывает на машинке книги, некоторые из которых достигают в объеме 500–600 листов¹⁰. Вопиющий, с точки зрения властей, факт обнаружился в Кунгурском районе, где одна из общин австрийского согласия убедила односельчан в необходимости нового храма и быстрыми темпами вела его строительство¹¹. Но поистине курьезной партийным деятелям представлялась ситуация в д. Нижние Чумны Фокинского района Сарапульского округа (где старообрядцев было также немало) – там в 1927 г. наблюдалась «официальная смычка религии и советской власти»: перед открытием собрания односельчан представитель сельсовета обязательно прочитывал молитву, прося у Господа даровать благоприятное разрешение всех вопросов, стоящих на повестке¹². Один из членов Верхнекамского окружного комитета ВКП(б) на совещании возмущался вопросами некоторых чердынских коммунистов (на которых возлагалась миссия борьбы с религией у себя дома, в семье), о том «нужно ли снимать шапку перед крестным ходом из уважения к верующим?»¹³.

При отсутствии грамотной и систематической антирелигиозной работы «организованных безбожников» местные коммунистические, комсомольские ячейки, а иногда и представители местных советов, пытаясь противодействовать верующим, своими резкими выходками зачастую лишь вызывали недовольство и ропот населения. Партийные наблюдатели вынуждены были признавать, что даже не устраивающие никаких особых мероприятий комсомольцы своей неряшливостью, озорством и бескультурьем вызывали у привыкших к воздержанности, опрятности, трезвости и порядку старообрядцев отторжение и сводили к нулю все старания пропаганды дискредитировать сложившийся у «сектантов» традиционный уклад как отсталый и вредный¹⁴.

⁹ Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала). Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. Л. 160–164, 178–179. В декабре 1928 г. на I съезде безбожников Уральской области отмечалось, что работа организации в течении последних 2–3 лет «очень низко пала», в ходе предпринимаемых областным советом весной 1928 г. попыток выявить существующие ячейки, «мы не могли найти не окружных центриков, ни районных, только в отдельных местах... были районные организации СБ, в некоторых заводах и селах были отдельные ячейки активистов...» (ЦДООСО. Ф 4. Оп. 6. Д. 426).

¹⁰ ЦДООСО. Ф 4. Оп. 5. Д. 444. Л. 24–26, 30–32.

¹¹ Там же. Л. 26. См. также: Мальцев А. И. Новые материалы о странническом согласии в собрании рукописей Института истории СО РАН // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Тезисы докл. науч. конф. Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 32.

¹² ЦДООСО. Ф 4. Оп. 5. Д. 444. Л. 26.

¹³ Там же. Оп. 6. Д. 419. Л. 18.

¹⁴ ЦДООСО. Ф 4. Оп. 5. Д. 444. Л. 31.

Примером «популяризации» представлений о жизни староверов с учетом установок по антирелигиозной работе может служить одна из немногочисленных в местной периодике публикаций по этой теме. В ней автор подробно описывает поход нескольких «безбожников» в женские скиты часовенных на реке Шайтанке – для ознакомления с «чужаками веры... доживающими последние дни»¹⁵. Одна из местных жительниц, знавшая дорогу до келий и знакомая со скитницами, согласилась провести их до самого многолюдного общежительства, возглавляемого в то время матушкой Таисией. Бодро с песнями преодолев трудный путь, компания прибыла в скит. Сначала «путники» попросили игуменью рассказать о былой и нынешней жизни насельниц, а затем в ее сопровождении осмотрели мастерскую, трапезную, молельную и жилые помещения. Быт 18 келейниц показался автору заметки исключительно мрачным: «подслеповатые окошки у изб, везде темнота, смрад, клопы и вши, необходимость молодым скитницам работать на старух, которые только молятся, да еще ворчат». Комсомольцы, пообщавшись лишь с настоятельницей и своей молодой проводницей, собирающей для скитниц ягоды, тем не менее, сделали требующийся от них вывод о том, что в скитах якобы идет «глухая борьба»: молодые не стараются соблюдать посты, не употребляют отдельную посуду, нарушают запрет на мытье в бане и на работу в праздник. «Безбожники» также выразили надежду, что девушки и женщины в ближайшем будущем, наверное, уйдут в мир. Расставленные в статье акценты не оставляли у читателей сомнений в том, что старообрядческие скиты – пережиток капиталистического, «эксплуататорского» прошлого, который исчезнет сам собой в ближайшее время.

Помимо просветительской и агитационно-пропагандистской антирелигиозной деятельности важная роль в борьбе с религией отводилась административным методам. Следует отметить, что после того как партийное руководство и Антирелигиозная комиссия приняли в 1923 г. решение свернуть кампанию по закрытию церквей, распоряжения из центра время от времени подчеркивали необходимость в работе с верующими действовать осторожно и гибко¹⁶. Однако, даже не проводя прямых административных репрессий, власти могли использовать другие варианты давления на религиозные организации. С одной стороны, такую возможность открывало законодательство о деятельности объединений верующих, устанавливавшее сложную процедуру регистрации в административных отделах местных советов. В частности, старообрядцам по сравнению с ней дореволюционный образец регистрации общины мог показаться гораздо более удобным: тогда от них не требовали ни списка учредителей (с данными о местожительстве, сословном и имущественном положении до 1917 г. и занятиях с 1914 г.), ни устава общества. С другой стороны, большие затруднения вызывали налоговые сборы, страховые взносы и земельная рента, которые были возложены на духовных лиц и приходы, поскольку власти рассматривали службу в церкви как доходное предприятие частного лица, пользующегося для этого арендованным у государства имуществом.

¹⁵ Горный В. Шажком по Уралу // Уральская новь. 1926. № 4. С. 15–16.

¹⁶ В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) принял резолюцию о развертывании «углубленной» антирелигиозной пропаганды путем всестороннего просвещения, что исключает грубые приемы и издевательства над предметами веры и культа (см.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3 (1922–1925). С. 114–116). В 1923 г. это было подтверждено рядом дополнительных циркуляров и постановлений (см.: Архивы Кремля. Политбюро и церкви. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 379–380, 408–418).

Но в значительно большей степени, нежели посредством первых двух факторов, Советам удалось повлиять на положение религиозных деятелей (в том числе и старообрядческих) в 1920-х гг., в ходе одной из наиболее массовых политических репрессивных кампаний – по лишению избирательных прав.

Впервые эта мера была введена в Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г. Считалось, что отнятием прав у «классово чуждых элементов» (лиц, использующих наемный труд с целью извлечения прибыли, живущих на нетрудовые доходы, духовенства, бывших сотрудников полиции) государство предотвратит нанесение ими ущерба интересам социалистической революции¹⁷. Начиная с 1920 г., категории лиц, подлежащих лишению избирательных прав, год от года детализировались в «Инструкциях о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов». Однако в первые годы НЭПа местные власти, дезориентированные сменой курса, процедуру лишения прав в массовом порядке не применяли. Наиболее интенсивно этот процесс стал развиваться с 1926 г., достигнув пика в начале 1930-х гг.¹⁸ В числе первых «лишенцев» среди старообрядцев оказались священники беглопоповского и белокриницкого согласий и наставники беспоповцев, поскольку безоговорочно попадали в разряд идеологических противников за связь с «религиозным культом». Ограничения, с которыми приходилось сталкиваться «лишенцам» и их родственникам, были достаточно серьезными. Из сохранившихся и исследованных путем выборки ходатайств духовных лиц и церковнослужителей Уральской области о восстановлении избирательных прав в 1928–1936 гг. (времени когда они поступали наиболее интенсивно) 7,4 % поступило от старообрядческих наставников¹⁹. Основным условием удовлетворения ходатайств был письменный отказ «от связи с религиозным культом». Однако представители властей не всегда доверяли и этим заявлениям, не без основания полагая, что для «соискателей»-староверов,

¹⁷ Конституция РСФСР, принятая Пятым Всероссийским съездом Советов // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 554, 561–562. Это положение было сохранено и в Конституции 1925 г. По мнению С. А. Красильникова лишение избирательных прав выполняло следующие функции: превентивную (предотвратить возможное усиление позиций и влияния в обществе тех или иных групп, потенциальных или реальных противников большевизма); проведения искусственного структурирования общества (как часть политики деления общества на своих сторонников и противников, для поддержания в обществе атмосферы раскола и конфронтации); установления поэтапного тотального контроля над основной частью общества; привлечения к проведению мер ограничительно-дискриминационного характера (соучастие) социальных низов. Кроме того, лишение избирательных прав являлось, с одной стороны, своего рода прологом к прямым массовым репрессиям (поскольку хорошо поставленные учет и контроль над «лишенцами» позволял без особого труда выявить объект для репрессий. См.: Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998; Электронный ресурс «Сибирская заимка»; раздел «Сибирь советская». http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml Глава 1. Лишенные избирательных прав (лишенцы) как маргинальная группа (1918–1936 годы).

¹⁸ Килин А. П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 98.

¹⁹ Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е гг. (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 122.

это скорее вынужденная формальность, чем чистосердечное раскаяние в прошлых заблуждениях. Так, старообрядческий наставник с. Пальниково Частинского района и его жена, лишенные избирательных прав – он как связанный с религией, она как живущая на нетрудовой доход мужа, не были восстановлены в правах, поскольку, по мнению местной избирательной комиссии, того, что «якобы В. ныне порвал всякую связь со старообрядческой сектой... для восстановления в избирательных правах недостаточно»²⁰. Большие сомнения в том, что его восстановят в правах испытывал и бывший псаломщик старообрядческой общины в с. Смирново Шадринского округа, обосновывая в 1930 г. причины своего отказа от церковной должности, подробно описывая следующие обстоятельства разлада с сыном: «Когда 2 года назад меня лишили права голоса, [сын] Дионисий написал мне чтобы я бросил службу в церкви и 1,5 года с Дионисием не переписываемся. С осени я службу псаломщика оставил»²¹. Последний представитель известной династии иконописцев из Староуткинского завода Николай Трефилевич Филатов о долгожданном восстановлении в правах оставил подробную памятную запись на семейном часослове: «1935 года мне возвратили право голоса в РИКе Сылвинского завода Шалинского района в 4 часов вечера»²². От писания икон, невостребованного и преследуемого занятия, Н. Т. Филатов в 1929 г. перешел к занятию фотографией.

В совокупности антирелигиозные пропагандистские и репрессивные кампании 1920-х гг. способствовали вытеснению традиционной идеологии на периферию общественной жизни и усвоению достаточно большой частью молодого поколения новой коммунистической мифологии вместо религиозных «предрассудков прошлого».

²⁰ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Сб. док. / Сост.: Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур и др. Екатеринбург, 1996. С. 45.

²¹ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 82.

²² Древлехранилище ЛАИ УрГУ. XIV (Шалинское) собр. 29п/3712.